

Введение

Сейчас, когда я пишу эти строки, у меня борода, как у Моисея. Или у Авраама Линкольна. Или у Теда Качинского*. Мне говорили, что я похож на всех троих.

И это не ухоженная, «социально приемлемая» борода, а копна волос, наползающая на глаза и ниспадающая до ключиц.

Раньше я не разводил растительности на лице. Эксперимент вышел странным и поучительным. Меня приняли в тайное братство бородачей: мы киваем друг другу на улице и понимающие обмениваемся едва заметными улыбками. Незнакомцы подходят и гладят мою бороду, словно это щенок лабрадора или живот беременной женщины.

И я страдаю. Борода застrevает в застежке-молнии. Ее дергает мой на удивление сильный двухлетний сын. Я потерял много времени, отвечая на вопросы секьюрити в аэропортах.

Меня спрашивают, не Смит ли моя фамилия** и не продаю ли я вместе с братом пастилки от кашля. Группу ZZ Тор упоминают не реже трех раз в неделю. Прохожие кричат: «Йоу, Гэндальф!» А однажды назвали Стивеном Сигалом — интересно почему, ведь у него же нет бороды***.

* Теодор Качинский (род. 1942) — американский террорист, математик и социальный критик, также известный как Унабомбер. Отбывает четыре пожизненных срока. *Прим. перев.*

** «Леденцы от кашля братьев Смит» (Smith Brothers Cough Drop) — известный бренд, основанный в США в 1851 году. На этикетке были изображены его владельцы братья Смит — бородатые мужчины. *Прим. перев.*

*** Бородатого Стивена Сигала можно увидеть в фильме «Смерти вопреки» (Hard to Kill). *Прим. ред.*

Я борюсь с жарой и зудом. Я потратил недельный заработок на бальзамы, пудру, мази и кондиционеры. Моя борода стала приютом для пенки от капучино и чечевичного супа. А еще она огорчает людей. По состоянию на сегодня уже две девочки расплакались, а один мальчик спрятался за машину спину.

Но у меня добрые намерения. Заросли на лице — лишь самое явное физическое проявление духовных исканий, которые я начал год назад.

Моя цель такова: жить, во всем следуя Библии. Точнее, следовать ей буквально, насколько это возможно. Соблюдать Десять заповедей. Плодиться и размножаться. Любить ближнего своего. Платить десятину. А еще выполнять правила, которыми часто пренебрегают: не носить одежду из разнородных нитей, побивать камнями прелюбодеев. И, естественно, не портить края бороды (Левит 19:27). Я пытаюсь следовать Библии в целом, без разбора.

Пара слов о моем прошлом: я вырос в абсолютно светской семье в Нью-Йорке. Формально я иудей, но по сути не больше, чем Olive Garden* — итальянский ресторан. То есть не особо. Я не ходил в еврейскую школу и не ел мацу. В моей семье иудаизм проявлялся только в форме классического парадокса: когда мы водружали звезду Давида на рождественскую елку.

Не то чтобы мои родители осуждали религию. Просто она была им не нужна. Мы жили в XX веке, в конце-то концов. В нашем доме вера была почти запретной темой, вроде отцовской зарплаты или пристрастия сестры к сигаретам с гвоздикой.

Мои контакты с Библией были короткими и поверхностными. По соседству жил преподобный Шульце — добродушный лютеранский пастор, который сильно смахивал на Томаса Джейфтерсона. (Между прочим, его сын стал актером и, как ни странно, сыграл жутковатого священника в «Клане Сопрано»**). Преподобный отлично рассказывал о сидячих студенческих забастовках в 60-е. Но как только он заводил речь о Боге, мне казалось, что пастор говорит на незнакомом языке.

Несколько раз я был на бар-мицве, где отключался во время службы и гадал, у кого под ермолкой лысина. На похоронах деда по отцовской

* Olive Garden — сеть ресторанов американо-итальянской кухни в США.
Прим. перев.

** «Клан Сопрано» (The Sopranos) — американский телесериал драматического жанра о мафиозном семействе. Выходил с 1999 по 2007 годы. Прим. ред.

линии я с удивлением увидел, что церемонию ведет раввин. Как он мог расхваливать человека, которого в жизни не видел? Я был озадачен.

Пожалуй, это все, что я могу сказать о религии в моем детстве.

Я был агностиком, хотя пока не знал, что это значит. Отчасти я не мог принять наличие зла. Если Бог есть, то почему Он допускает войны, болезни и мою учительницу мисс Баркер, которая заставила четвероклашек принести на «сладкую ярмарку» выпечку без сахара? А главное, идея Бога казалась мне поверхностной. Зачем нам невидимое и неслышимое божество? Может, Он и существует, но в этой жизни свидетельств мы не получим.

Колледж тоже не способствовал религиозности. Я поступил в светский университет, где больше изучали семиотику неоязыческих ритуалов, чем иудео-христианскую традицию. А Библия воспринималась как литература, замшелая книга, где правды не больше, чем в «Королеве фей»*.

Конечно, мы изучали историю религии. Мы знали, как Библия способствовала многим величайшим достижениям: движению за гражданские права, благотворительности, отмене рабства. И конечно, как ее использовали, чтобы оправдать худшие вещи в мире — войну, геноцид и угнетение.

Долгое время я думал, что религия, при всей ее пользе, слишком рискованна в современных условиях. Уж очень много возможностей для злоупотреблений. Я полагал, что она постепенно исчезнет, как и другие архаизмы. Наука двигалась вперед. Скоро мы должны были оказаться в неопросветительском раю, где все решения принимают на основе железной логики в духе Спока**.

Конечно, я ошибался. Библия — и религия в целом — остается могущественной силой, и сегодня она, возможно, еще влиятельнее, чем в дни моего детства. Поэтому в последние годы она стала моей навязчивой идеей. Неужели полмира заблуждается? Или моя религиозная слепота — это серьезный дефект личности? Что если я упускаю нечто важное — как тот, кто ни разу не слышал Бетховена и никогда не любил? И главное, теперь у меня есть маленький сын. И если неверие — это порок, я не хочу передать его по наследству.

* «Королева фей» (Faerie Queene) — аллегорическая рыцарская поэма Эдмунда Спенсера (1552–1599). *Прим. перев.*

** Спок — персонаж американского телесериала «Звездный путь», получеловек, отличающийся железной логикой и отсутствием эмоций. *Прим. перев.*

Так я понял, что хочу исследовать религию. Оставалось понять, как это сделать.

Идею мне подал родственник — дядя Гил. Точнее, бывший дядя. Гил женился на моей тете и развелся с ней через несколько лет, но остается самым заметным членом нашей семьи. Мы — люди абсолютно светские, и Гил отдувается за всех. Возможно, он самый религиозный человек в мире. Гил духовно всеяден. Он еврей, ставший индуистом, провозгласивший себя гуру, восемь месяцев просидевший на скамейке в манхэттенском парке, не говоря ни слова, основавший хиппи-культ на севере штата Нью-Йорк. Потом он снова стал христианином, а в последней реинкарнации — ультрапротодоксальным иудеем из Иерусалима. Может, я что-то упустил — кажется, еще он успел побывать синтоистом, — но общая мысль понятна.

На каком-то этапе духовного пути Гил решил воспринимать Библию буквально. Абсолютно буквально. Библия велит привязать деньги к руке (Второзаконие 14:25). Гил снял в банке три сотни долларов и привязал их ниткой к ладони. Библия велит носить кисти на краях одежды (Числа 15:38) — и Гил купил пряжи в рукодельном магазине, наделал кисточек и пришил их к воротнику и манжетам. Библия велит давать деньги вдовам и сиротам — и дядя стал бродить по улицам и искать вдов и сирот, чтобы выдать им наличность.

Примерно полгода назад, за обедом в бутербродной, я рассказывал другу Полу о причудливой жизни Гила — и тут меня озарило. То что нужно. Я тоже должен буквально следовать Библии. И тому есть несколько причин.

Во-первых, раз Библия требует от меня говорить только правду (Притчи 26:28), честно признаюсь: одной из причин было желание написать эту книгу. Пару лет назад я опубликовал историю о чтении Британской энциклопедии от начала и до конца, от A до Z — точнее, от *ak* (восточно-азиатский музыкальный инструмент) до *Zywiec* (город на юге Польши, прославившийся своим пивом). Что дальше? Какое интеллектуальное приключение может сравниться с этим? Я решил, что вариант только один: исследование самой влиятельной книги в мире, бестселлера всех времен и народов — Библии.

Во-вторых, этот проект станет моим пропуском в мир духовности. Я буду не просто изучать религию, а жить ею. Если в моем сердце есть «дыра в форме Бога», то я смогу ее заполнить. Если во мне есть скрытая склонность к мистике, за этот год она проявится. Если я хочу понять моих праотцов, то в этот год смогу пожить их жизнью — только без проказы.

В-третьих, мой проект позволит изучить серьезную и увлекательную тему библейского буквализма. Миллионы американцев говорят, что воспринимают Библию буквально. Согласно опросу Института Гэллапа 2005 года, их число приближается к 33 процентам, а по данным Newsweek за 2004 год — к 55 процентам. Буквальная трактовка Библии — как иудейской, так и христианской — определяет американскую политику относительно Ближнего Востока, гомосексуальности, исследований стволовых клеток, образования, абортов — и так далее, вплоть до покупки пива в выходные.

Но я подозревал, что буквализм почти всегда основан на произвольном выборе. Люди выдирают из текста фрагменты, соответствующие их взглядам — неважно, левым или правым. Только не я. Я наивно полагал, что сниму шелуху интерпретаций и открою истинную Библию. Я стану крайним фундаменталистом. Я буду бесстрашен. Буду в точности следовать Библии и пойму, что в ней вечно, а что устарело.

Я рассказал о своей идее жене Джули и предупредил ее: наша жизнь может ощутимо измениться. Она не стала скрипеть зубами и рвать волосы на голове — только тихо вздохнула. «У меня была слабая надежда, что в следующий раз ты напишешь биографию Элеоноры Рузельт или что-то вроде того».

Всех — семью, друзей, коллег — заботило одно и то же: не уйду ли я в религию с головой, не закончу ли пасечником в монастыре и не переселюсь ли в свободную комнату в иерусалимской квартире дяди Гила.

У них был повод для беспокойства. Невозможно с головой погрузиться в религию и вернуться прежним человеком. По крайней мере для меня. Скажем так: если бы я прежний и я нынешний встретились за кофе, мы нашли бы общий язык. Но, возможно, оба вышли бы из кафе, качая головой и думая про себя: «У парня каша в голове».

Как обычно и бывает в библейских путешествиях, я часто оказывался в неожиданных ситуациях. Никогда не думал, что буду пасти овец в Израиле. Или гладить голубиное яйцо. Или находить утешение в молитве. Или слушать анекдоты про амишей от самих амишей. Я не думал, что увижу, как много у меня недостатков. И не ожидал обнаружить в Библии столько странностей. И не предполагал, что, как говорил Давид, «найду в Библии прибежище и возрадуюсь ей».